

ское своеобразие древнего памятника. Впрочем, названным недостатком характеризовалась также поэма «Владимир возрожденный» (1797) М. М. Хераскова, «Пантеон российских авторов» (1801) Н. М. Карамзина, роман «Всеволод и Велеслава» (1807) Н. Н. Муравьева, «Певец в стане русских воинов» (1812) В. А. Жуковского и все другие произведения конца XVIII и начала XIX столетия, ставившие перед собой задачу целостного или частичного воссоздания национальной старины в духе «Слова о полку Игоре». Прежде чем русская общественность приближалась к историческому пониманию языка, образности, поэтики и художественного своеобразия древней поэмы, потребовались в этом направлении длительные усилия коллективной научной мысли. Вместе с тем несомненным достижением Сергея Глинки являлось уже то, что он уловил ораторский пафос «Слова о полку Игоре», его патриотическую направленность, его лирическую напряженность. Прославляя в своем сценическом представлении великий Новгород, С. Глинка безусловно сближался с тираноборческими традициями русской литературы своего времени, и наличие в глинковском «Бояне» двух-трех официальных реверансов в сторону «вождя россов» Александра I вряд ли следует придавать серьезное значение. Появление «Бояна» на сцене совпало с моментом, когда С. Н. Глинка начинал издание журнала «Русский вестник» (1808—1820 и 1824 гг.). К этому времени русской общественности были уже достаточно ясны наполеоновские планы порабощения России, и поэтому в государственной системе Александра I, вслед за многими другими писателями, С. Н. Глинка видел едва ли не единственный залог политического могущества России. Заметим кстати, что царистские иллюзии были свойственны в это же время и Ф. Н. Глинке, общественные взгляды которого неуклонно эволюционировали в сторону идеологии преддекабризма.

Характеристика политического облика С. Н. Глинки как реакционера и монархиста, принятая в нашей учебной и справочной литературе, по-видимому, нуждается в существенных поправках. Не следует забывать, что в молодые годы писатель находился под сильным воздействием идей А. Н. Радищева. Во второй половине 1830-х годов, вспоминая события сорокалетней давности, Сергей Глинка писал: «Все тогдашнее мое сокровище состояло в „Вадиме“ Княжнина, в „Путешествии из Петербурга в Москву“, наделавшем тогда много шума, а теперь уснувшим сном непробудным, и в „Чувствительном путешествии“ Стерна, в котором сердце и мысль всегда что-нибудь отыщут».²

Своеобразный демократизм и политическая независимость были характерны для С. Н. Глинки отчасти и в период, последовавший за разгромом восстания декабристов. Назначенный в 1827 г. московским цензором, он был отстранен от этой должности через три года за систематическое неповиновение властям предрежущим, распустившим слух о нем, как об «агенте каких-то тайных обществ».³ У нас, наконец, нет никаких оснований считать случайным следующее мнение редакции некрасовского «Современника»: «Первый ратник московского ополчения 1812 года, Глинка был настоящий, искренний патриот, но вместе с тем и самостоятельный характер. Правда была для него главным указателем его действий, и он смело высказывал ее высоко поставленным людям, несколько не стесняясь; это бывало очень часто крайне простодушно, но это простодушие не уменьшает достоинства его ревности: защита правды обходилась ему не дешево, подвергала его чувствительным для него гонениям и житей-

² Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, стр. 132.

³ Там же, стр. 358.